

Что такое политическая философия

Александр Пятигорский

Цикл лекций известного философа, профессора Лондонского университета, посвященный осмыслению ситуации человека во власти. Острая интеллектуальная провокация, цель которой – воспитание политического мышления и политической культуры.

ПОЛИТУЧЕБА

К чему приводит общее снижение уровня политической рефлексии?

Например, к появлению новых бессмысленных слов: «регулирование политического кризиса» (ведь кризис никак нельзя урегулировать), «страны третьего мира», «противостояние Востока и Запада». И эти слова мистифицируют политическое мышление,

засоряют поры нашего восприятия реальности. Именно поэтому, в конечном счете, власть может нам гнать.

Работу с мифами политического мышления автор строит на примере казусов и сюжетов. В книге вы найдете меткие замечания о работе эволютов, о политической воле, о множестве исторических персонажей.

Александр Моисеевич Пятигорский

Что такое политическая философия

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3006105

Что такое политическая философия: размышления и соображения. Цикл лекций: Европа; Москва;

2007

ISBN 978-5-9739-0125-7

Аннотация

К чему приводит общее снижение уровня политической рефлексии? Например, к появлению новых бессмысленных слов: «урегулирование политического кризиса» (ведь кризис никак нельзя урегулировать), «страны третьего мира», «противостояние Востока и Запада». И эти слова мистифицируют политическое мышление, засоряют поры нашего восприятия реальности. Именно поэтому, в конечном счете, власть может нам лгать.

Работу с мифами политического мышления автор строит на изобилии казусов и сюжетов. В книге вы найдете меткие замечания о работе экспертов, о политической воле, о множестве исторических персонажей.

Содержание

Предисловие	4
Лекция 1	6
План лекции	6
Краткое содержание	7
Часть 1	7
Часть 2	14
Лекция 2	18
План лекции	18
Краткое содержание	19
Часть 1	19
Часть 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Пятигорский

Что такое политическая философия: размышления и соображения. Цикл лекций

Предисловие

What are the consequences of a general decrease in the level of political reflection, which is to blame for the appearance of such senseless new expressions as: political crisis management (how on Earth can a crisis be managed?), Third World countries, East-West confrontation etc. Such expressions mystify the political thinking and clog the pores of our perception of reality. This is precisely why, in the end, the power is able to lie to us. The author builds his analysis of the myths that dominate the political thinking on a rich collection of anecdotal evidence and intrigues. In this book you will find shrewd remarks on the work of experts, political will and a great number of historical personae.

Политика, политическая деятельность являются прежде всего объектами мышления, философской мысли. Так повелось со времен Аристотеля и Платона – с тех пор они как объект осмысления постоянно находятся в поле зрения философов и рефлектирующих политиков. Пожалуй, с середины XIX века философский интерес к политическому мышлению стал угасать, оказался вытесненным вульгарной политической активностью и распространением экономизма. В то же самое время посмотрите вокруг – количество политических мемуаров достигло небывалой величины, что говорит о прорывающейся на поверхность рефлексии политических деятелей, связанных метафизической ответственностью, но, с другой стороны, продолжается погружение политики в экономику, а вместе с ней и вульгаризация самой политической деятельности.

Однако пришло время восстановить метафизическую справедливость и вернуть политическое мышление в лоно философии. В чем же сложность такого шага? В одной простой причине: не все рефлектирующие и философствующие могут выделить объект политического мышления. Полагаю, что у читателей нет серьезных сомнений в том, что политическая деятельность напрямую связана с мышлением, которое А.М. Пятигорский в текстах лекций именуется политической рефлексией, поскольку если такие сомнения есть, то чтение текстов лекций – пустая трата времени. Философа Пятигорского интересует, увлекает только проблематизация политического мышления. Пятигорский не делится наблюдениями за политической жизнью, которые составляют критическую основу для всех политических дискуссий как в России, так и вне ее. Это удел консультантов и экспертов, тех, кто мечтает быть включенным на любых ролях в политический процесс или в то, что они им называют. Он устремляет силу своего мышления и темперамента в пространство субъективности политического деятеля, сутью которой является мышление.

А.М. Пятигорский определил цель спецкурса как воспитание политического мышления слушателей, от которых требуется, во-первых, живой интерес к политике, а во-вторых, хотя бы чрезвычайно суженный минимум знаний в области политической теории и политической истории. Политика в лекциях фигурирует одновременно как область знания и область практического применения этого знания на всех возможных уровнях социальной, экономической и культурной деятельности слушателей как потенциальных деятелей и мыслителей.

Таким образом, педагогическая задача курса – это прежде всего повышение уровня политической культуры.

В основу содержания лекций положена работа с ключевыми понятиями, определившими уходящую политическую эпоху, а именно: «абсолютное государство», «абсолютная революция» и «абсолютная власть».

Теперь, по прошествии некоторого времени, можно сказать, что реакция слушателей и обсуждение лекций на сайте «Русского журнала» продемонстрировали всю сложность преодоления устоявшихся стереотипов. Во-первых, в воздухе постоянно висел вопрос: «А какое все это имеет отношение к политике?». Действительно, где же за последние десятилетия можно было философствовать о политике, а тем более участвовать в сколь-ко-нибудь последовательной дискуссии на эту тему? Во-вторых – переполненность политического пространства иллюзиями как артефактами несостоявшегося политического мышления. Возможно, для кого-то прочитанные и проработанные лекции станут первым шагом к избавлению от иллюзий, шагом к освоению политического мышления.

Олег Алексеев

Лекция 1

Философия и политическая философия

8 февраля 2006 года, РГГУ, Есенинская аудитория

План лекции

(0) *Философия и философствование. Политика как специфический предмет нескольких научных и квазинаучных дисциплин (например, политологии). Политика как неспецифический предмет философии (у философии нет своего предмета) и случайный возможный объект философствования. Неподготовленность (точнее, «неприготовленность») политики в качестве объекта философствования. Философствованию приходится сначала «сверху» сконструировать (не реконструировать) политику как свой объект посредством редукции бытовых, идеологических и мифологических понятий нынешнего политического мышления и терминов современного политического языка. Необходимость введения иных онтологических определений и особых методологических позиций.*

(1) *Политическая рефлексия – особый и единственный объект в политической философии, к которому редуцируются и в смысле которого истолковываются все политические феномены (такие как политическое действие, политическая деятельность, язык политики, политик и т. д.). Политика как политическая рефлексия. Политик как субъект политической рефлексии.*

(2) *Субъективность политической рефлексии.*

(3) *Фрагментированность субъекта политической рефлексии. Индивидуальная воля – основной фактор фрагментированности субъекта политической рефлексии. Субъект политической рефлексии индивидуален не в своем противопоставлении коллективу, группе или массе, а только в качестве носителя фрагмента (версии, флуктуации) политической рефлексии.*

(4) *Соотношение понятий субъективного и психологического в политической философии.*

Краткое содержание

ЧАСТЬ 1

Предмет философии – политическая рефлексия – субъект политической рефлексии – «надо это устроить» или «все дело в деньгах» – экономическое думание о политике – субъективные мотивационные элементы в политике – антиисторизм и политическая память. Вопросы.

ЧАСТЬ 2

Фрагментированность и неопределенность субъекта политической рефлексии – воля – класс дисциплинированного мышления.

Часть 1

Дамы и господа! Во-первых, я вас очень прошу согласиться с моими тремя условиями, выполнить мои три просьбы. Первое: прошу вас ничего не записывать. Второе: прошу вас по возможности из того, что я говорю, ничего не запоминать! Просто думайте, и этого будет более чем достаточно: это самое трудное – думать. И третье условие: прошу вас немедленно меня прерывать и спрашивать, если вам что-то непонятно по теме лекции или непонятны какие-то употребляемые в ней слова и термины. Поднимайте руку и прерывайте! Копить вопросы к концу лекции – так это я забуду, о чем я говорил, и вы забудете, о чем хотели спросить, гораздо эффективнее более динамический режим лекции.

Не помню, чтобы в моей жизни был случай, когда времени было достаточно.

Что такое политическая философия с моей точки зрения (а у меня нет никакой другой, так что не обессудьте)? Дело в том, что философия, как я ее понимаю, не имеет и не может иметь своего конкретного специфического предмета, или это будет не философия, а наука. Философия в принципе – и это блестяще понимал Лейбниц (хотя это прекрасно понимал и Спиноза) – занимается не предметом, каков бы он ни был, а *мышлением о предмете*. Философия постигает свой конкретный предмет, любое конкретное содержание только через мышление о нем, собственное мышление философа прежде всего. Философ – это философствующий сначала над своим собственным мышлением и только потом – над тем, о чем он мыслит, и над другими мышлениями.

ВОПРОС: А не может быть мышление о предмете предметом философии?

Это и есть единственный предмет философии! Другого у нее нет. В принципе, что бы ни осмыслялось, философия включается в эту игру только со стороны осмысления этого «чего-то», а не со стороны «чего-то», поэтому философ – позвольте, я иногда буду переходить от слова «философия» к слову «философ» – может философствовать о **чем угодно** в принципе. Поэтому я и говорю, как привык говорить на любой лекции по философии: философия не имеет своего конкретного специфического предмета и может мыслить через мышление о любом предмете. Отсюда **произвольность** содержательного поля философии. Отсюда же и случайность чьей-либо нужды в философии или – простите мне этот омерзительный вульгаризм – «востребованности» философии или философа.

Запомните это до конца своих дней: философ никому не может быть нужен.

В данном случае, когда я говорю, что буду говорить о политической философии, *что* является предметом философии? Не политика, *а мышление* о политике. Другой политики нет, кроме политического мышления – твоего, моего, их, талантов, бездарностей, умных, дураков, кого угодно, но – *мышления*. Политики как отчлененного, систематологически выделенного предмета типа молекулярной физики или кристаллографии *не существует*. И это, между прочим, прекрасно понимал один из первых философствующих о политике – ну, скажем так, второй – Аристотель. То есть политику вы не вынете из кармана и не положите на стол. Политика – это пустая абстракция без уже организовавшего политическое мышление минимального сознательного подхода.

Я не любитель ссылок и сносок, как в своих книгах и статьях, так и в жизни. Ведь мы уже, слава богу, выходим из периода безумия по поводу приоритета: «это я сказал первым». Разве есть большая честь для думающего, чтобы его цитировали и ссылались – значит, он уже живет в других мышлениях. Поэтому то, что я цитирую, я цитирую как уже мною осмысленное, отрефлектированное.

Перехожу к следующему шагу своего предварительного рассуждения. Значит, говоря о политике, я буду говорить о «мышлении о политике», которое условно будем называть политической рефлексией (термин не хуже и не лучше другого), из которой только мы и узнаём о политике. Как говорится в одной чудной американской пьесе, где даму спрашивают:

– А, кстати, чем занимается твой муж?

– Как чем, политикой!

– А-а, значит, он один из тех же жуликов и бездельников в upstate New York.

Она говорит:

– Ну, он думает, что он занимается политикой.

Значит, она произнесла это слово «политика»! И, видимо, он – этот, разумеется, обманутый муж, как все мужья в пьесах и нередко в жизни, – он произнес это слово? Так мы делаем второй шаг: политика – то, что человек в своей речи и мышлении *называет* политикой. И не будем его за это критиковать.

Вы можете тут же сказать: какая же это политика, то, чем занимается ее муж? Жульничество! Лучше бы скот продавал в штате Мичиган. Вот тут я должен быть жестким – это уже не наше дело. Запомните, мы употребляем слова, которые не мы выдумали, они исторически существуют. Они могут быть полной чужью, полной ерундой, но слово уже, как говорил Людвиг Витгенштейн, закреплено в практике естественного языка. А если это не нравится, он говорил, тогда, пожалуйста, давайте пишите другой словарь, а пока вам приходится заглядывать в существующие словари. У Витгенштейна были страшные семинары, он так наставлял студентов: «Не понимаешь слова? Вон словарь стоит. Открой, найди слово». Студент возражал: «Так я же хочу разобраться по сути». И тут покойный Витгенштейн начинал орать: «Суть – это вранье, выдуманное шарлатанами, есть слово – используй его, говори, неправильное – исправь, не знаешь – опять посмотри в словарь». Поэтому я не буду заниматься анализом самого понятия «политика», я *буду заниматься только одним вопросом: что происходит в мышлении о том, что называется «политикой», или, как мы условно называем, в политической рефлексии. А без этой рефлексии политики и не существует.*

Строго говоря, то, что мы называем политикой – это и есть политическая рефлексия, в которой мы оперируем разными понятиями, разными терминами. И все, что мы называем политической жизнью, политическими событиями, политическими актами – это то, что уже нашло свое место в политической рефлексии. Опять оговорка: как говорил мой давно покойный и любимый Василий Васильевич Розанов: «Господа, это пока все, пока положим, что

будет так. А так это или не так – закончим семинар, – говорил он, – будем разбираться, а пока положим». И поэтому я начинаю с политической рефлексии.

Первое: о каком человеке, о каких людях мы говорим? Мы говорим о *субъекте* политической рефлексии. Субъект политики в этом смысле – это субъект политической рефлексии, о которой мы уже нечто знаем, мы уже выстроили какую-то предварительную, пусть самую элементарную и примерную, сетку. Ставим в верхнем левом углу в квадратик – «субъект политической рефлексии». И вот с ним нам будет разобраться очень нелегко. Допустим, это я – субъект политической рефлексии, я думаю о данной вещи. Вы мне, допустим, говорите:

– Очень плохо с транспортом в Москве с трех до шести часов.

Я могу на это ответить, как мне отвечал один полисмен в

Лондоне после того, как мы простояли в пробке два с половиной часа:

– Ну что делать, это – *политика*.

А я уже тогда начинал заниматься политическим мышлением, я говорю:

– Почему, сэр? Почему это политика? Просто надо это устроить.

Я произнес три слова: «Надо это *устроить*» – из них два, кроме «это», относятся к политике. Первое – это «надо», а второе – «устроить». Ведь простой человек думает всегда так: «Надо на это дело – какое бы оно ни было – подкинуть денег и поставить умного человека». Так это же чистая политика! Тут начинается какая-то тайна: казалось бы, деньги – какое отношение они имеют к политике? Ну, кто-то даст денег. Но кто-то должен *захотеть* дать денег, а кто-то должен ему сказать: «Дай денег». И где тогда останутся наши бедные деньги? И по-прежнему люди недумаящие будут повторять эту кретинскую фразу – «все дело в деньгах». Это же чушь! Неужели вы не понимаете, что это полная чушь, более того и хуже – это вульгарная чушь. «Все дело в деньгах», только если ты сам с собой об этом договорился и не хочешь сделать еще один мыслительный шаг: все дело в тех, пусть элементарных, а иногда и крайне сложных, *отношениях* людей, которые, начиная с Сократа, в описании Ксенофонта, чисто *политические*.

На следующей лекции мы перейдем к первому термину политической философии – «политической власти». Но пока – кто-то должен захотеть дать деньги. А что делать, если он не захочет? Так, у него есть деньги, и тут же какой-то идиот говорит, что «это – экономика». Второй скажет, что все дело в желании или нежелании дать деньги, «а, да это психология». Где же здесь политика?

Мы, уввы, всегда думаем, что это у нас всегда плохо, а где-то, наверное, всегда было и будет гораздо лучше. Чушь! Есть только одно место, где плохо – дефективное мышление людей – их упорное пожелание мыслить, – вот где плохо.

Перенесемся в 1933 год. В Соединенные Штаты, о которых замечательный немецкий экономист Штраус говорил, что они были «накануне революции». Это было преувеличение, но все же там было действительно плохо. Процент безработных – за критической чертой, сотысячные очереди за горячим супом в Детройте, Чикаго и Нью-Йорке, дети, у которых нет ни молока, ни сахара. И еще не пришедший в себя после первых административных, как в России любят это вульгарно называть, «проколов» президент Франклин Делано Рузвельт. Он устраивает совещание в верхах (что, опять же, может быть более вульгарным, чем слова «совещание в верхах»?). Сидят он и его старый друг Харри Хопкинс и полтора десятка людей, в кармане у которых ну если и не три четверти, то две трети американских денег – всех денег, которые вообще есть в Америке. Все говорят: «Положение катастрофическое». Все, как всегда, ноют, разводят руками, и один из них, обращаясь к Рузвельту, говорит:

– Франк, что нам делать?

И Рузвельт говорит:

– Нужны *деньги*.

– Кто даст деньги?

И Рузвельт говорит:

– *Вы* дадите деньги!

Это экономика или политика? И вот тогда джентльмен, глава одной из двух самых могущественных мафий Калифорнии, говорит:

– А если не дадим?

А Рузвельт ему:

– Послушай, Джимми, что я могу с тобой сделать: у меня на тебя давно лежит дело, я могу прислать к тебе шерифа, прокурора, полицию, ты можешь получить пять лет, шесть лет, десять лет. Но, дорогой мой, пойми, если будет революция, *тебя убьют в первый день*.

– Так тебя тоже! – кричит ему глава мафии. Рузвельт говорит:

– Да! Тогда, по-моему, в этом нет никакого смысла.

Гораздо приятнее быть арестованным вежливым полисменом, чем быть затоптанным матросней с «Авроры» на Невском проспекте, хотя я думаю, и то и другое не очень приятно.

И вот тогда поднимается один человек и говорит: «Мистер президент, эти люди никогда не смогут изменить свою психологию». «При чем тут психология? – говорит Рузвельт, – это чистая *политика*». Ведь *революция – это политика*. Ведь убийство всех толстосумов и богачей в Детройте, Денвере, Чикаго – это имеет какое-нибудь отношение «по содержанию», как любил говорить мой покойный друг Георгий Петрович Щедровицкий, к экономике? Нет! Залп с «Авроры» – которого, не хочу вас огорчать, по-видимому, не было – не имел никакого отношения к экономике. Это была чистая политика. И любые экономические обстоятельства апроприировались в политическом мышлении как политические. И все это сводилось к тому, что Рузвельт *думал* об экономике *политически*, а не как «Интернационал всех дураков в мире» думал о политике экономически. И вы знаете что – они дали деньги, огромные деньги. И вы знаете когда – через два дня! Все было – и объятия, и рукопожатия. И начались общественные работы, через четыре месяца количество безработных уменьшилось на 2 миллиона. Можете себе представить – в результате одного разговора. Какой был разговор? *Политический*. Но уменьшилось ли количество идиотов? Навряд ли.

Когда я ругаю кого-то – я говорю только о его мышлении.

ВОПРОС: Получается, что все экономические процессы объясняются только политически?

Ни в коем случае. Оказывается, что любой экономический процесс в контексте политической рефлексии будет в данной ситуации осмысляться как политический. Обязательно ли? И вот на это ответ очень простой. А ведь так уже случилось. Уже недовольны люди. Они уже недовольны? Им мало платят, им нисколько не платят и все прочее? Так в момент негативной рефлексии меняется тема. Это уже не экономика. И когда человек говорит «я не хочу» – это политика. Это реализация его индивидуальной воли, уже прошедшей пусть через самый элементарно выстроенный кристалл политического мышления.

ВОПРОС: Получается, что политика – это всегда насилие? Это действительно насилие? Символическое или прямое физическое насилие?

Отвечаю. Ни в коем случае. Это всегда **думание**, которое иногда заканчивается насильем, в акте насилия. Или, давайте будем говорить сильнее, в акте уничтожения думающего или того, о ком он думает. Я думаю, это будет правильнее, чем насилие.

ВОПРОС: А не может быть наоборот? Что все-таки речь идет об экономике, которая как-то объясняется политическими причинами?

Понимаете, это ведь наш с вами выбор – думать о разных вещах, о заторе на Тверской сегодня – чисто экономически или политически. Я бы не думал ни экономически, ни политически (это полисмену, который подошел, хотелось поговорить; все-таки мука такая: сотни отчаявшихся полицейских пытались растащить автобусы в Лондоне). Это уже – как у нас пойдет дело. Это уже зависит от данной наличной ситуации, которую наша рефлексия будет экстренно апроприировать как политическую. То есть кто-то скажет: «На что смотрит этот идиот, мэр Лондона?» – он действительно идиот. «На что смотрит этот премьер, который привел этого идиота в раздражение?» – они враги, премьер и мэр Лондона. А это уже разговор, к экономике не имеющий никакого отношения. Кто на что смотрит, раздражение, враг, друг – имеет это отношение к экономике? Никакого. Это **низовая терминология политической рефлексии**.

Второй и последний пример. То же время, что и рузвельтовское, – очень плохое время. С докладом к королю Георгу приходит лорд Халифакс. Букингемский дворец. Огромное окно. Стоит король в халате, подзывает к себе премьера и говорит: «Подойдите к окну, что вы видите?». За окном очереди безработных и бездомных, их количество действительно доходило в Лондоне до миллиона человек. Печки, суп, хлеб раздают, сахар детям. Можете себе представить? В Лондоне! Роскошные парки, все это великолепие. Король смотрит и говорит:

– Посмотрите, что вы там видите?

Лорд Халифакс пожимает плечами и говорит:

– Как всегда – очередь безработных за супом и хлебом.

Тогда Георг ему говорит:

– А вот теперь слушайте: если я буду это видеть еще один месяц, я вступаю в коммунистическую партию, идите вы все к черту, а я – ленинец.

Это *король* говорит. Вы можете себе представить любого русского царя, даже самого лучшего, который бы так сказал своему премьеру (опять вопрос политический)? И Халифакс говорит:

– Послушайте, но это же непростительное преувеличение, это истерика, ваше величество.

Тот говорит:

– Это не истерика, но просто в отличие от вас я *люблю* свою страну и люблю свой народ – и пропади все пропадом.

Хороша беседа, а? И вот эта последняя фраза – с моей точки зрения – абсолютно политическая. Имеет это отношение к экономике, к бирже, к катастрофическому положению Великобритании еще до начавшегося развала Британской колониальной империи? Нет. И оказывается, что в определенных ситуациях мотивационные, эмоциональные и другие субъективные элементы начинают играть роль, превышающую роль всех других элементов, моментов и факторов. Не правда ли? А, так сказать, идиоты всех стран говорят: «Да нет, давайте посмотрим курс акций на Нью-Йоркской бирже в этот день, давайте посмотрим Амстердам, посмотрим Гамбург, как там показатели Доу-Джонса», – не понимая, что могла возникнуть ситуация, когда бы уже эти биржи горели синим пламенем, да?

ВОПРОС: А когда 7 ноября 1941 года Сталин выступил с трибуны Мавзолея перед войсками, уходящими на фронт, – это из той же обоймы?

Разумеется. Это был абсолютно необходимый политический акт, вытекающий из абсолютно четкой чисто политической рефлексии, при том что он был человеком, **крайне мало** говорящим (об этом свидетельствовал Поскребышев). Это отжатая политическая рефлексия, как я говорю. Вот почему я начал с такого, я бы сказал, несколько эмоционального введения.

ВОПРОС: Мой пример из современности, российской действительности. Когда у нас была ситуация с компанией «ЮКОС», было заявление руководства страны, что с руководством компании все будет в порядке, в результате акции «ЮКОСа» взмыли и инвесторы на этом заработали. После этого компания практически разрушилась, руководство посадили – была ли это политика?

Я должен сказать: то, что сейчас происходит в России, мне чрезвычайно мало известно, поскольку сейчас в связи с моими занятиями политической философией мое основное внимание устремлено на Рим I века до нашей эры и I века нашей эры. Гораздо интереснее. Вы сами знаете, **это** – политика. Я хочу обратить ваше внимание на один момент: Рим, начиная с гражданской войны и с разгрома Цезарем Помпея Великого и кончая смертью последнего Юлия Клавдия, то есть императора Нерона, – это уже не анекдот, это уже **наука**. Про короля Георга и Рузвельта – это анекдот. Почему? Потому что это систематически не отрефлектировано. Поэтому это фигурирует в области анекдота.

В чем отличие российской ситуации от римской ситуации, которую описывает великий историк древности Тацит (действительно великий историк был)? В том, что римский политический кошмар, который продолжался, грубо говоря, лет 70, был не только **осознан** как политический, но и **описан**. Это очень важно. Описан по крайней мере четырьмя историками. Это факт феноменальной важности. Дамы и господа, можете ли вы сейчас взять в руки маленькую книжку, в 300 страниц, или большую, в 3 тысячи (я об этом однажды Афанасьев спрашивал), «История России с 1917 по 1990 год»? Есть такая книжка? Нет. До сих пор в России нет политической истории России XX века, истории в смысле Тацита, истории в смысле Ключевского, и причины этого чисто политические. В каком смысле? В том смысле, что политическая рефлексия среднего русского интеллигента еще не прошла через стадию той концентрации, отжатости, в которой бы он мог взять и написать такую книжку. Он еще не видит этой политической истории. Или, вы можете сказать, – **не хочет**.

Давайте и в жизни и в науке гораздо чаще употреблять два выражения: «хочет» и «не хочет». Вместо того чтобы на десятке страниц говорить: «Тут сложилась чрезвычайно сложная ситуация, основными факторами которой...» – и прочий бред.

А вот, простите меня опять за параллели, за последние только десять лет – и никакой до этого не было перестройки или гласности – в Англии вышло шесть книг «Политическая история Англии» или «От Черчилля до Суэцкого кризиса». Это жалкие какие-то 20 лет, 16 лет – и уже шесть книг. Почему? Интересуются. На это устремляется их интеллектуальная энергия.

Когда я сказал одному очень почтенному профессору Московского университета: «Пошлите к черту все проблемы (он зав. кафедрой), сядьте за стол и пишите историю вашей страны, в которой вы живете», – он мне на это ответил: «Ну, знаете, это все слишком общо и расплывчато». Вы скажете – это болезнь. Нет – это отсутствие воли, направленной на кристаллизацию политической рефлексии. Она сама не кристаллизуется.

И он тут же опять: «Ну, вы понимаете, при Сталине это было невозможно, после Сталина это было трудно». На что я вынужден был ему ответить – я, к сожалению, очень гру-

бый человек: «Это было невозможно, потому что то, что сейчас еще живет в вас, в вашей рефлексии, в конечном счете сделало Сталина возможным. Отсутствие волевого интеллектуального начала не дает сейчас возможности написать книгу о вашей, о русской истории». Это огромное усилие – захотеть написать историю. Так или иначе, истории нет.

ВОПРОС: А может быть, просто нужно побольше времени для того, чтобы наступила эта стадия отжатости?

Уверяю вас, время есть у всех, даже у меня. Господь нам дал время.

ВОПРОС: Есть мнение, что сейчас, например, нельзя писать про 90-е.

Если вам уже пришла в голову идея писать про 90-е – значит, все это у вас уже в голове. «Нельзя» – значит не так называемое существующее, объективное время, а ваш собственный мотивационно-волевой комплекс. Садитесь и пишите. Тацит жил в «сталинское» время Рима – «арестовали еще трех членов моей семьи, скоро придет очередь за мной» – и писал историю, боясь, что она уйдет. Уйдет из его памяти и из памяти современников. Бойтесь ли вы, что какая-то история уйдет? Я думаю, что для каких-то людей это должно быть самым страшным страхом. Да что же, все это уйдет? Все это уйдет в никуда? Тацит, когда он писал историю, занимал крупнейшие государственные посты. Он был – ничего себе! – проконсулом Малой Азии, проконсулом в шести странах. Он был человеком, обладающим огромным политическим влиянием. И он сидел и писал. В нем был внутренний импульс писать историю, потому что без истории человека не существует. И когда говорят, что история никого ничему не учит – это правда только для тех, кто и без истории ничему не выучится, но неправда в смысле Тацита. У него есть совершенно замечательное определение, вот тут я абсолютно точен: «Что такое настоящий римлянин? Культурный римлянин, который видит свое время, непрерывно сохраняя его в памяти для сына, и который знает от своего отца время отца, который знает еще время деда». Что поделаешь, для меня говорить о Таците – это удовольствие.

Кто сказал, что я должен получать от чтения лекций удовольствие? Я должен учить студентов, а не получать удовольствие и ждать выхода в свет своей следующей статьи или книги. Это надо, кстати, знать многим преподавателям.

Расскажу про мой страшный опыт в университете в штате Айова, очаровательный штат. Я читал ребятам курс лекций «Введение в буддийскую философию» (это основная моя профессия). Они слушали, я смотрел на их лица, честно говоря, не получая при этом особого удовольствия. И я говорю: «Я хочу сделать маленькое введение по индийской истории с VIII по IV век до нашей эры и прошу – поднимите руки те из вас (их было около 30 человек), которые могут сказать имя, фамилию и занятие вашего прадеда – все равно, по мужской или женской линии». Две руки поднялись. Вы можете себе представить? Тогда я сказал: «А вашего деда?» Поднялось, скажем, четыре руки. Где их семейное прошлое? Студенты деисторизированны, вы понимаете? Хотя, конечно, если честно, с помощью ваших же кретинов-родителей. Тут я уже не могу удержаться, все-та-ки я начал свою сомнительную карьеру с преподавания истории в советской средней школе, и я знаю, что, ругая правительство, отделы народного образования, не надо забывать о дефективных родителях. И не Сталин их деисторизировал. Не надо все сваливать на Сталина. На, господи помилуй, Ельцина, Горбачева, Путина, наконец, у которых мысли такой не было вообще. Потому что у них вообще мыслей, видимо, не было такого типа. Это – родители и вы сами.

И, наконец, последнее. Это было год назад в городе Москве. Я на горе себе пригласил на конференции прочесть доклад одного моего американского друга, «американского» – условно, в таком же смысле, в каком я могу себя назвать английским – он чистый немец. И этот мой друг вместо доклада по теме: «Существует ли история без исторической направленности мышления людей» (которые ее читают, которые ее слышат, которые ее видят) вышел и стал рассказывать, как учили истории в средней школе с 1936 года – ничего себе! – в Дюссельдорфе, потом в университете до 1956 года разные школьные и университетские учителя. В 1936-м, в фашистский период, история выбивалась из всех голов, но он прекрасно запомнил каждое слово преподавателя, потому что оно свидетельствовало о его времени! Вы скажете: «Это была чистая политика». Но это-то и замечательно, что здесь, как я это называю, «деполитизация» населения как бы дала своим вторичным эффектом деисторизацию мышления рядового гражданина страны. И вот это очень интересный и важный момент, которым я и кончу это введение. Феноменологически элементарно здесь происходит редукция рефлексии только к одному измерению рефлексии – к памяти. И это отношение *к памяти* – один из очень четких индикаторов общей ориентации политической рефлексии.

Я вспоминаю один разговор с моей старшей дочерью, она, увидев, как я лежу в кресле и читаю, сверяя с латинским текстом, «Германию» Тацита, говорит: «Слушай, зачем тебе нужен весь этот хлам?». А ведь это жутко интересный момент, заметьте. Вот вы скажете – я пристрастен, во мне говорит опять традиционная установка классического русского интеллигента. А она что – дочь крановщика? Она, пардон, моя дочь. Я – с вашего любезного разрешения – противно говорить это слово – профессор. Мой отец был профессором. А дало это эффект на моей дочери старшей? Какой это эффект? Не нулевой, а *негативный* эффект.

Значит – антиисторизм. Антиисторизм – это явление чисто политическое, он не отрефлектирован. Если бы он был отрефлектирован, она бы ко мне не обратилась с такой идиотской репликой! Я же понимаю, почему это так.

Политическая рефлексия имеет своей составляющей, разумеется, какой-то минимум исторической памяти. Но и сейчас ставшее нормой *беспамятство* во многом определяет политическую рефлексию.

Часть 2

Теперь я хочу перейти к одному вопросу: кто субъект политической рефлексии? Он же субъект политики! Но, что самое интересное, говорить о субъекте политической рефлексии как о каком-то определенном существе или типе человека невозможно. Это может быть один человек, это может быть, цитирую Ленина, «класс», это может быть класс в средней школе, это может быть курс университета, это может быть кабинет министров, это может быть полк или дивизия, это может быть Генеральный штаб или драматический театр, это может быть семья, это может быть страна, мир, наконец. Хорошо, не поверили? Правильно, что не поверили. Но давайте хоть попытаемся осознать несоразмерную нашему мышлению трудность сведения всем известных политических событий к политической рефлексии, уже приписанной какому угодно неиндивидуальному субъекту. И все же я упрямо утверждаю: существовал определенный уровень политической рефлексии в наиболее культурной части человечества, уровень, манифестировавшийся в Первой мировой войне и сделавший возможными русскую и германскую революции. Теперь давайте договоримся, «субъект политической рефлексии» не может быть определен ни по содержанию, ни по объему этого понятия. Потому что как источник политической рефлексии он всегда оказывается *фрагментированным* – это интереснейшая вещь, – а иногда *редуцированным* к одной точке. В особенности в бытовом языке. Например – «все знают, что...». Кто это «все»? «Всех» не существует, нет такого субъекта знания, как «все», вы все-таки как люди думающие понимаете, что это мета-

фора бытового языка. Когда кто-то вам говорит, что «все знают, что...», он на самом деле говорит – «ну, разумеется, никто ничего не знает». Вот эта неопределенность субъекта знания, субъекта мышления в политике связана с фрагментарностью.

Тут начинается первая методологическая трудность: нет и не может быть той методологии какого бы то ни было действия – политического, экономического, культурного, – которая бы исходила из определенности субъекта этого действия. Субъект всегда оказывается гораздо менее определенным, чем объект этого действия. Именно из-за такой его принципиальной фрагментации.

– Кто так думает?

– Мы так думаем.

– Кто мы?

– Я и мама так думаем, я и мой научный руководитель так думаем.

И это очень интересно, потому что незрелость нашей политической рефлексии прежде всего выражается в нашей тенденции постоянно определять субъекта политической рефлексии. «Вся страна знает», «вся страна как один поднялась против того-то и то-го-то». Мы не понимаем, что это маскировка нашего *невежества* в 99 случаях из 100. И это очень важный момент. Поэтому, говоря о субъекте политической рефлексии, я подчеркиваю его неопределенность, причем в некоторых ситуациях эта неопределенность достигает степеней уже почти мистических. Один из вождей одной из великих революций мира в разговоре с журналистом сказал (я считаю, что он просто помог мне рассуждать о субъекте политической рефлексии): «Говорят, что я придумал нашу революцию. Нет, это не я». И потом закончил фразой, которая просто привела меня в восторг: «Это дух, живущий во мне». Вы можете себе представить? Политик, революционер, а? Дошел до такого, я бы сказал, фихтеанского идеализма. И закончил так: «Перед духом я ничто». А вы знаете, кто это сказал? Ну кто это сказал, ну угадайте, ну все-таки! Мао Цзэдун. Возможно, он это сказал за два часа перед тем, как отдал приказ об убийстве Линь Бяо и уничтожении штаба авиации. И вот я вам говорю – мы ему обязаны *верить*. Ведь в отличие от Сталина он был человеком откровенным.

РЕПЛИКА: И остроумным.

Иногда и остроумным, и любил поговорить. А Сталин – нет, не любил поговорить. Но вы понимаете, он **сам** про себя сказал: этого субъекта политической рефлексии как субъекта, который называется Мао Цзэдун – великий вождь, великий учитель, отец, – не существует. Это дух. Такой, стало быть, разговор был.

Поговорить, поговорить, поговорить. Потому что никакой философии не существует без разговора. Как недавно сказал, по-моему, единственный реальный современный американский философ – Брендон (когда его спросили, чего вы больше всего боитесь в вашей жизни – и, конечно же, журналист ожидал, что тот скажет: атомной войны): «Я боюсь только одного, что я утром проснусь, и не будет разговора. Что мне не с кем будет говорить, тогда я умру». Он сказал правду. Это конечная ситуация человеческого мышления.

Я хочу перейти ко второму моменту субъекта политической рефлексии. Этот момент я бы назвал простым словом – *воля*. Значит, мы переходим от эпистемологии к психологии, от мышления к психике, а еще точнее – от *содержания* рефлектирующего сознания к *состояниям сознания*. Говорить о политике, говорить о политической рефлексии, говорить о политическом действии, полностью исключив момент воли, – это бессмыслица. Потому что сам предмет политики предполагает, что любое действие, любой акт мышления, к сожалению, любой физический акт является *par excellence* актом чьей-то воли. Тут очень важно

– «чьей-то». Вы еще не установили, «чьей». Сами ли вы пошли добровольцем на войну или вас кто-то послал на войну? Сами ли вы посадили друга в тюрьму или, как мы любим говорить, были вынуждены объективными обстоятельствами? И вот тут быстро отпрыгнем к одному из – не хочу никого ни шокировать, ни радовать – к одному из гениев политической рефлексии XX века: Владимиру Ильичу Ленину, который говорил, что «только дураки говорят, что революция сводится к объективностям. Не забывайте о субъективном факторе в политической революции, который в решающих фазах становится главным, а иногда и единственным фактором». Удивительный был человек: иногда беспардонно чушь молот, а иногда говорил интереснейшие истины – это бывает. Он понимал значение волевого акта для самой абстрактной политической рефлексии. Формула «субъективного фактора революции» – вы помните? – низы не хотят, верхи не могут. Это что вам – экономика? Низы голодные или сытые не хотят. А у верхов исчезла, утончилась, истощилась волевая сфера. Да послушайте! Читайте Витте, читайте Милюкова, читайте кого угодно. Они *не могут*, они уже больше не могут править. Никто. Ни левые, ни правые. Этот волевой энергетический, так сказать, момент как бы повисает и остается вне поля их политической рефлексии. А вот Ленин его ухватил. И очень, я бы сказал, его выделил, даже преувеличил.

Один очень талантливый – чисто политический – американский философ Сантаяна, говоря о другой стороне воли, заметил, что наши волевые импульсы в политической и общественной жизни труднее всего поддаются рефлексии. В воле слиты как позитивный, так и негативный мотивационные аспекты – это очень важно понять, а понять это нелегко.

Когда мы говорим о воле в нашем философствовании о политике, воля перестает быть психологией. Воля – это не эмоции, мотивации, интенции, весь этот бред. Воля уже принадлежит тому контекстуальному, я бы сказал, конгломерату политики, в котором она реализуется. И тут я хочу просто привести слова двух успешных политиков и, конечно, людей с очень четкой политической рефлексией. Первое, это слова очаровательного джентльмена, одного из последних в истории республиканского Рима – Люция Корнелия Суллы. Когда его друг, младший Красс, спросил:

– Но теперь, убив 2 тысячи римлян, ты доволен?

Он говорит:

– Нет.

И сказал страшную фразу, прошу извинения у дам:

– Я хочу, чтобы все римляне превратились в одну большую жопу, которую бы я с разбега пихнул сапогом!

Вы можете сказать: «Какой плохой патриот был Люций Корнелий Сулла». А он был одним из немногих людей своего времени, полностью преданных традиционному республиканскому Риму, с которым покончил или начал кончать молодой Гай Юлий Цезарь.

Согласитесь, что отношение было очень субъективным. «Вынести не могу этот Рим, – говорил он, – тошнит». Но вспомните слова Гитлера в апреле 1945-го: «Оказывается, что немцы такая же зловонная дрянь, как другие». Но было поздно. Понимаете, ведь это жутко интересно. Это особенно интересно в той извращенной – когда я говорю «извращенной», я имею в виду только извращенное *мышление* – категории людей, которых я условно называю «абсолютные революционеры», к которым на четверть относился и покойный фюрер. Только на четверть. Он не был целиком абсолютным революционером. Если мы перейдем к Сталину, Сталин ни на четверть, ни на одну сотую не был революционером, а Гитлер все-таки на четверть был. Абсолютно революционна идея жизни, общества как непрерывных радикальных изменений. Ленин любил эту идею, а Сталин ее ненавидел.

И еще один очень важный момент – простите меня, ничего не могу поделать. Вы знаете, когда к Сократу пристали с ножом к горлу: «Ты за войну со Спартой или против?» – он ответил: «В мире не может быть ничего более мерзкого, грязного и подлого, чем война.

Но, – говорит, – есть только одно, что может быть даже хуже войны – это вы, афиняне. И, может быть, пройдя страшную войну, вы станете немножко лучше». Вы видите, как трудно было терпеть афинянам Сократа? А ведь, так сказать, безобидный софист, учащий учеников. А ведь он был политиком до мозга костей! Его любимый ученик Алкивиад говорит: «Учитель, политика невозможна без лжи и криводушия». Юноша был, как мы сказали бы, очень продвинутым. На что Сократ ему говорил: «Но ты пойми, дело умного и мудрого это *понять* и ограничить». Он как бы проводил свою идею умственной и, она же, этической дисциплины. Заметьте, что этической дисциплины как таковой не существует – это дисциплина *вашего ума*. Нельзя требовать или желать этики, морали от человека умственно дефективного, какими, по мнению великолепного психолога Уильяма Джеймса, являются примерно от 85 до 95 процентов всех людей. А другой философ, эмпирицист замечательный, английский психолог Мак-Таггарт говорил: «Нет, Джеймс сильно преувеличивает, я считаю, что недефективных только 1–2 процента».

В Древней Индии умственная дисциплина уже была дана в виде различных йог. Так, человека без дисциплинированного этического мышления в класс никто бы не пустил, да и он сам бы не пришел! Ученик приходил еще, может быть, невежественный, но уже с готовым к рефлексии мышлением, с уже педагогически, но йогически подготовленным мышлением, чего в Древней Греции, конечно, не было, как и в Древнем Риме.

На страшной политической сцене жуткого столетия пыток, истязаний и убийств, которые пережил Рим с конца I века до нашей эры до конца I века нашей, все-таки появились те немногие, которые принадлежали греческой школе стоиков. Тацит пишет: «На скольких настоящих людях держится Римская империя?». А дальше говорит: «Великий Цицерон считал, что на 10–20, а я говорю – на трех-четырех». То есть необходимы люди, которые бы показывали класс дисциплинированного мышления. Но заметьте, что я сейчас сказал *«показывали»* – значит, они не в тюрьме и не в могиле, они могут показать. И это то, что фактически спасло древнеримскую культуру – нашлись люди, некоторые из которых были чистыми философами, некоторые историками, некоторые политиками, как известный вам император Марк Аврелий, – оказалось, что в Риме есть сверхэлита, которая в этих страшных политических условиях может *рефлектировать* и *манифестировать* эту рефлексию в сказанном и написанном.

Милые дамы и господа, считайте сегодняшнюю лекцию вводной. Это такой приятный разговор.

Лекция 2
Вопросы, проблемы и основные
понятия политической философии
11 февраля 2006 года, Александр
Хаус, конференц-зал «Европа»

План лекции

(0) Время. «Здесь – теперь» как исходная позиция политического философствования. Основные понятия политической рефлексии – как понятия другого времени и другого исторически случившегося или возможного политического философствования. Гипотеза условной «исторической универсальности» основных политических категорий. Понятие абсолютного в его связи с историчностью и универсальностью категорий и терминов политического мышления. Проблематизация как феномен политической рефлексии. Категория замещающего понятия, понимаемого в качестве конечной формы и результата проблематизации.

- (1) Понятие абсолютной политической власти.*
- (2) Понятие абсолютного государства.*
- (3) Понятие абсолютной революции.*
- (4) Понятие абсолютной войны.*

Краткое содержание

ЧАСТЬ 1

Объект политической философии – предмет политической рефлексии, четыре основных понятия политической рефлексии – инструментальное понятие «абсолют» – неопределенность субъекта политической рефлексии – современный, синхронизация.

ЧАСТЬ 2

Фрагментированность субъекта политической рефлексии – абсолютная политическая власть – экстенсивность и интенсивность абсолютной политической власти.

Вопросы.

Часть 1

Объект политической философии – это политическая рефлексия, рефлексия о политике. Чьей политике, какой политике? И вот тут маленькое отвлечение, которое я условно называю «беседой трех дураков», к которым прибавляется четвертый – ваш покорный слуга. Первый дурак: «Хватит, старик, все это *деньги*: экономика, финансы и так далее». Второй дурак: «Ерунда, все это *политика*. Какие там к черту деньги, когда власть у меня их может отнять в любой момент, да и еще самого в тюрьму посадить». Третий дурак – Георг Фридрих Вильгельм Гегель: «Все это – *признание*, признание одного человека другим. Это и есть политика, борьба за признание, утверждение признания, отрицание признания. И другой политики нет и быть не может». И вот, наконец, ваш покорный слуга в качестве прибавленного к трем мудрецам четвертого философа. А я говорю: «Нет, все это – *думание*». О чем? О чем бы то ни было. В данном случае ваше думание – *абсолютно*. Ибо абсолютен его *объект*, не существующий вне вашего думания о нем и моей уже вторичной философской рефлексии над вашим и моим собственным думанием. Здесь, я думаю, был безусловно прав Гуссерль, когда он говорил, что «*чье думание* – в принципе безразлично для философа-феноменолога». Сам процесс, сама авантюра редукции уже предполагает – в силу гуссерлевской концепции «трансцендентальной субъективности», – что любой анализ думания неизбежно сужает его сферу, скажем, сводит иногда объект думания к субъекту, а нередко, и мы об этом будем говорить, субъект думания – к объекту. Подумайте, не весело ли будет каждому из нас редуцировать свое единственное, бесценное «Я» к тому, о чем Я думаю.

Вообще все должно делаться для нашего веселья. Говорить о вещах невеселых – чужь, не имеет смысла. Как говорил замечательный философ Лейбниц: «Серьезный человек полноценным философом быть не может, и уже никак не может быть полноценным философом человек, серьезно относящийся к самому себе». Это правда. Он был философом по определению и по жизни.

Теперь второй момент нашего веселого разговора о политической философии. Объект – политическая рефлексия. Предмет – основные понятия политической рефлексии. В каком-то смысле объект произволен, он дает большее поле свободы. Предмет установлен: так говорят в политике, так *думают* в политике, наконец – так не думают. Поэтому предмета – и, простите, я *подчеркиваю*, в отличие от объекта – нет у меня в кармане. Я родился, думал, жил, старел, а он уже был. Уже были сформированы понятия, которые составляют предмет и которыми оперирует политическая рефлексия. Я выделяю четыре таких понятия, которые можно

назвать фундаментальными. Их может быть гораздо больше. Но ни одна область знания не может иметь бесконечный предмет. При этом я совсем не отстаиваю эту точку зрения как принципиальную. Если мне скажут, что есть еще пятое, шестое, 123-е или их должно быть меньше – возможны другие редукции. Здесь я действую, скорее исходя из принципа, который я формулирую как принцип «Например». Политический принцип «Например». Итак, первое понятие – «политическая власть». Второе понятие – «государство». Третье понятие – «революция». И четвертое понятие – «война». Это – для начала думания.

Кстати, недумание, дамы и господа, – тоже разновидность думания. И очень важная разновидность. Если вы спросите про какого-нибудь джентльмена, что он сейчас делает, и вам на это ответят, что он не думает – то ответили совершенно правильно. А по эффекту политического воздействия политическое недумание может быть гораздо сильнее политического думания. В особенности в выделенных критических ситуациях.

В моем философском рассмотрении, я подчеркиваю – философском *рассмотрении*, для того чтобы понять, что мы в политической философии делаем с нашим объектом, с рефлексией о политике, вводится дополнительное инструментальное понятие – «абсолют». То есть мы имеем дело с абсолютной политической властью, абсолютным государством, абсолютной революцией и абсолютной войной. Но, заметьте, это чисто методологический прием. Ну, скажем, говоря о политической власти, абсолютной политической властью я назову не конкретную политическую власть, которой приписывается некое качество, называемое абсолютностью, а *мышление*, рефлексию о политике, в которой данная политическая власть имеет абсолютный смысл, то есть она мыслится не релятивной относительно в ее связи с другими феноменами общественной жизни, а напротив, это все другие феномены мыслятся как релятивные в отношении к ней. Понятно? Значит, когда я думаю об этой политической власти, я ее не могу исключить из своего мышления, о чем бы я ни думал.

Чем «политическая власть» отличается от «власти»? Политическая власть – это более конкретное понятие и более частное в отношении к власти. Частный характер этого понятия очевиден в любых примерах.

И вот что здесь интересно: она абсолютна в том смысле, что бездна других вещей, о которых я думаю, оказываются включенными в эту сферу.

– Ну что, старик, тебя обокрали? Это политика!

– Да какая это политика? Это рост криминальности в северном пригороде города Лондона!

А я говорю:

– Хорошо, но ведь тут же подошедший полисмен скажет: «Это у наших *политика* такая, что теперь в Лондоне все может случиться».

Да это смешно, это детский сад политической академии! И тем не менее введение, как инструментального понятия, понятия «абсолютного», очень ценно. В конце концов, «абсолютное» в политической рефлексии – это не только степень, это и ее *качество*. И вот это понять трудно, это такое качество вашего мышления о политике, которое обуславливает не только доминирование данного понятия в вашем мышлении о политике, но и доминирование этого понятия, когда вы черт знает о чем мыслите. Можете о любви, можете об экономике, да о чем угодно, оно абсолютно как в интенсивном, так и в экстенсивном смысле этого слова.

Философское мышление – о котором, к сожалению, у нас с университетских времен развилось представление как о самом общем – это тоже очень частное мышление наряду с другими или многими другими.

Говоря об абсолютном, я подчеркиваю, что это – термин политической *философии*, в данном случае моей. И будет чудью, если вы откроете окно и скажете: «О, кажется, начинается абсолютная революция!». Или радио пищит, или телевизор что-нибудь показывает: «О, это пахнет не какими-нибудь Косово или Чечней, а абсолютной войной!». Вы должны понимать, о чем мы говорим, ведь не о том, что происходит в Косово или на Кавказе, – ничего подобного. А о том, что происходит в нашем *собственном* мышлении и в восприятии других людей. Это только в политической рефлексии любое политическое событие может мыслиться как неабсолютное или абсолютное.

Поскольку я буду возвращаться к понятию «абсолют» в каждой лекции и на каждом шагу, я буду приводить простые примеры, чтобы сделать ваше восприятие более легким. Я помню, более 16 лет назад, в разгар горбачевских реформ, ко мне на конференции подошел английский философ Тэд Хондрик и сказал: «Где ваша *настоящая* революция?». А Тэд Хондрик в возрасте шестнадцати лет в 1938 году убежал из дома воевать в Испанию. «Это же, – говорит, – то, что произошло в России, – противно смотреть!» Совершенно очевидно, что старик Хондрик исходил из идеи абсолюта. Не только абсолютной революции в смысле, что она камня на камне не оставит, а абсолютной в смысле ее абсолюта в *мышлении*. А я рос в другое время, и в моей политической рефлексии, я подчеркиваю – бытовой, идея абсолютной революции существовала уже с чужих слов, с чужого мировосприятия, а не с моего собственного.

Я ответил Тэду Хондрику – ну жалко же было старого идиота – я ответил:

– Она уже *была*, настоящая.

– Где, когда?

– Ну как же, в 1917-м!

Вы понимаете, это был ответ *по существу*. Потому что в тот период, в начале XX века, идея абсолютной революции была абсолютно доминирующей в голове как Владимира Ильича Ленина, так и Николая Романова. Боялись абсолютной революции, мечтали об абсолютной революции, ненавидели абсолютную революцию, любили. Это неважно, она была *абсолютной*. Она определяла политическое мышление и расширялась от одного данного конкретного объекта к любым политическим фактам, событиям и обстоятельствам. Хондрик очень обиделся.

Примеры я люблю и не люблю. Цитировать – иногда цитирую. А примеры люблю исторические. Собственная жизнь – тоже история, поскольку ты ее уже осознал как, и не только, твою историю.

Теперь быстро перескакиваю. Совсем другой джентльмен, не Тэд Хондрик, а очень талантливый историк идей Освальд Шпенглер на следующий день после того, как случилась немецкая революция, написал: «Немцы, бездари, какой позор, что это за революция, чушь какая-то! Ерунда, курам на смех. Вот русские сделали *настоящую* революцию». То есть ту, о которой, исходя из своих коммунистических убеждений, мечтает и мечтал этот дурак Тэд Хондрик, о ней же,нисколько ей не сочувствуя, говорил в общем-то гегельянец Освальд Шпенглер. Почему ему, как вы думаете – а Шпенглер был совсем не дурак и безумно талантливый человек, – почему ему германская не понравилась по сравнению с русской? Потому что он исходил из гегелевского понимания действительности и *разумности* в связи с действительностью. Что это за революция? Разумеется, она неразумна, потому что она

недействительна. И не считайте, пожалуйста, бедного Шпенглера людоедом, он говорил: «Да говорят, что на главной площади было убито всего семь человек». Разумеется, в этом смысле португальская революция, сбросившая иго диктатора Салазара, уже совсем была бы позором в глазах и Хондрика, и Шпенглера: было убито три человека, и португальцы клянутся, что двое были убиты совершенно случайно, один рикошетом, а другой не увернулся от бронетранспортера. Так это же позор революции! И все это не шутка, ибо в политической рефлексии и Шпенглера, и Николая Романова, и Чичерина, и культурного идиота, присяжного интеллигента русской революции Луначарского довлела идея *абсолютной революции*. Все с ней сравнивалось. С конца XVIII века революция рефлексировалась с точки зрения абсолютной революции. Вот поэтому очень важно начать разбирать основные понятия, которые я перечислил: «политическая власть», «государство», «революция» и «война» – под углом зрения абсолютного.

Обычно конференции по политической философии бессмысленны, потому что люди сообща не думают, они сообща спорят и валяют дурака. Это борьба не за истину, а борьба за признание того, кто говорит. Это неинтересно. Как любил повторять Мераб Мамардашвили: «Философия – это одинокое дело». И когда ты ее манифестируешь, ты уже делаешь первый шаг к будущей борьбе за твое право заниматься ею одиноко.

Следующий пункт – субъект, о котором мы немного говорили на предыдущей лекции. Первое, что нам следует знать: субъект политической рефлексии, по определению, простите за плеоназм, неопределенен. Это могут быть я, это можете быть

вы, это может быть русский народ или новозеландский – это *случай* определяет субъекта политической рефлексии. Субъект определяется случаем попадания одного человека или группы людей в определенные, по Гуссерлю *интерсубъективные*, обстоятельства, которые как-то примерно определяют субъекта. А чтобы понять это, надо – не хочу огорчать вас, дамы и господа – читать не Шпенглера, не Гегеля, а надо читать *историю*, конкретную историю конкретных стран в конкретные эпохи. И иногда вы придете к каким-то, с точки зрения нашего опыта, нашего недостаточно четко себя отрефлектировавшего мышления, к каким-то оценкам, которые могут показаться *парадоксальными*.

ВОПРОС: Как народ может быть субъектом политической рефлексии?

Я уже это сказал – все начинается со слова. Наполеон сказал своему министру Вольнею: «Мой народ хочет добрую старую религию. Я верну ее народу» – вот вам народ. Вы поймите, **так** уже сказано: мой народ. Он уже сделан субъектом рефлексии тем, кто произнес эту безумную фразу. Это не имеет никакого значения, какая фраза – правильная или неправильная. А почему вы, кстати, думаете, что торговый банк «Джи Пи Морган» может быть субъектом политической рефлексии, или римский папа, или ватиканский синод?

Я ведь поэтому и начал с того, что **в принципе** субъект политической рефлексии всегда неопределенен, во-первых, и фрагментарен, во-вторых. Он и должен быть неопределенен. Им может быть **что угодно**. Что касается объекта, то этим объектом будет то, о чем вы думаете в терминах политической рефлексии. О революции, о войне, о цене мяса на рынке – неважно. Но этот объект, будучи включенным в политическую рефлексию, уже становится **политическим**. В одной из блестящих работ Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» были лозунги – вы думаете, это смешно! – «Vive Napoleon!», «Vive le saucisson!» («Да здравствует Наполеон!», «Да здравствует колбаса!»). О колбасе думали! Как думали? **Политически**.

Мы находим ряд ситуаций, в которых – объективно – политическая рефлексия уже является и политическим действием. В некоторых ситуациях это может быть так, а может

быть наоборот, в зависимости от ситуации. Я приведу один пример, очень простой. Если мы возьмем возникновение и развитие тоталитаризма, то в тоталитарном государстве, естественно, любая политическая рефлексия является политическим действием. Но это случай **аномалии**, каковой является тоталитаризм. В принципе, я считаю, что невозможно построить такую деятельностную методологию, которая бы описывала политическую рефлексия как политическое действие. Я в этом совершенно убежден. Ну хотя бы потому, что видел, как кто-то пытался это сделать, и даже сам пытался это делать. Ничего не получается. Это можно, но тогда надо ввести такое количество ограничивающих условий, где действие будет не совсем действием, рефлексия – не совсем рефлексией, и так далее, и так далее.

Забегая вперед, в тему другой лекции о революции, приведу пример. Истинным автором германской революции 1933 года был Адольф Гитлер – надо называть вещи своими именами. В одном из самых интересных исторических документов мировых революций, в его книге «Майн кампф», он формулирует эту революцию. Но что самое интересное, в его формулировке этой революции (которая случилась через десять лет после того, как его в тюрьму посадили), даже в очень краткой политической формуле захвата власти, революция в его мышлении *не была* абсолютной. А почему? Дамы и господа, я много читал об этом человеке. У этого человека принцип мышления был *неревлюционнным*. В каком-то смысле, в отличие от его главного союзника-противника Сталина, Гитлер был, кроме всего прочего, в душе и консерватором, и просто скромным тихим немецким буржуа, бюргером с диким запасом бешеной негативной энергии. Если бы ему сказали: «Да это же *абсолютная революция*, полное преобладание в мышлении идей революции за счет всего прочего» – он бы сказал: «Да вы с ума сошли! Да я хочу, чтобы архитектура была хорошей, чтобы всегда хорошую рыбу и колбасу можно было в магазине дешево купить».

Ведь неприятно называть вещи своими именами, да? «Гитлер – это очень плохо, а революция – тоже плохо, но все-та-ки не так плохо, как Гитлер» – это чушь. Я вам дам один методологический совет: если вам неприятно о чем-то подумать – это первый признак того, что именно об этом и стоит подумать.

Один замечательный американский историк и статистик подсчитал, что ко дню бостонского чаепития – начала американской революции – политически отрефлектировали эту ситуацию как ситуацию революции *шесть* человек (задним числом, естественно). Тогда как отцов-основателей было несколько десятков. И этого оказалось достаточно. И позвольте мне утверждать, что если американскую революцию отрефлектировали шесть человек, то ту огромного значения революцию, хотя и не абсолютную, которая произошла в Германии, отрефлектировал *один* человек – Адольф Гитлер. И отрефлектировал ее с идеальной точностью, не допускающей разночтений.

Большинство людей, это не секрет, думают вульгарно. При этом употребляя самую страшную формулу мирового невежества «все так думают», которая не верна фактически: откуда можно знать, что все так думают? Одна близкая мне особа сказала: «Да ведь то, чем ты занимаешься, никому на свете не интересно». Я ей очень серьезно ответил: «А раз это интересно *мне*, то ты уже не можешь сказать – *никому*». Этот универсализм, приписываемый мышлению, – первый знак вульгарности.

Разве это можно сравнить со словами одного из гениев американской революции – Томаса Джефферсона, который считал, что истинное переустройство страны могут произвести люди, которые регулярно моются, говорят на прекрасном английском, а в дополнение

ко всему знают латынь, древнегреческий и неплохо бы – древнееврейский. Вот каковы стандарты Америки того времени – к революции приходило немало сверхкультурных американцев. Гитлер никогда не был снобом. Его революция никогда не была абсолютной. Итак, субъектом политической рефлексии может быть один человек, могут быть два человека, может быть семья, может быть партия, может быть народ. Может быть, как считают недавно опубликовавшие в России свою книгу два шведских умственных дебила (у них, вероятно, генетически это было обусловлено, надо было смотреть при рождении), весь мир, объединенный (пardon, я сам плохо знаю, что это такое) Интернетом.

Я, может быть, издеваюсь иногда, говоря о людях. Но, заметьте, несерьезно. Серьезно я только хвалю. В конце концов, у каждого все-таки хватает мышления, художбно, на то, чем он занимается. Хотя бывают исключения.

Теперь перейдем к политической философии, которая исследует политическую рефлексию. Каким образом мы можем охарактеризовать субъекта политической философии, в данном случае вашего покорного слугу? Я бы сказал, что в моей субъективной философской позиции есть два объективно важных момента. Первый момент: я исхожу из того, что моя собственная позиция является *современной*. Не в силу того, что все мудрые люди или идиоты всех стран ее разделяют, но я сейчас думаю – значит, современно. Фактически получается так, что любая политическая ретроспектива трансформируется современностью моего философского взгляда на политическую рефлексию.

Запомните, никакого другого смысла, кроме буквального, слово «современный» не имеет. «Современный» – всегда современный чему-то. Вы понимаете, временно современный. Иногда – мгновенно современный.

У вас здесь шел замечательный фильм, который я сам считаю моментом гениального схватывания «нулевой» политической рефлексии, без которой невозможна ни одна революция, ни одна война. Ведь это – о синхронности нулевой рефлексии с внешне наблюдаемым событием – фильм, созданный Отаром Иоселиани, «Братья-разбойники». Фильм, за который его, естественно, чуть не пбили. Там и о русских, и о французах, но все-таки в основном о грузинах. Я за последние полтора года спросил по крайней мере тридцать человек из России, кто видел этот фильм (Отар его привозил в Москву). Из тридцати человек один сказал, что смотрел. А, значит, другие смотрели всякую муру собачью. Да, времени нет, я понимаю. А это *замечательный* фильм. Там один человек проходит и смотрит: двое сидят, жарят шашлык, пьют вино, и вот один говорит другому: «Ты пулемет-то подвинь». И направляет пулемет на перекресток. А там идет старуха и тащит кошелку с картошкой. И он – трах, первая пуля убивает старуху. Дальше спускается к ним молодая девушка и говорит: «Ребята, так хорошо отсюда видно, а дайте я посмотрю». Становится на колени, чтобы посмотреть в оптический прицел пулемета. И для того, чтобы доставить девушке удовольствие, они тут же подстрелили еще одного грузина, который помогал кому-то нести диван. Такой синхронностью много занимались современные физики-теоретики: событие как событие, синхронизированное в мышлении, и мышление как бы синхронизированное своей мгновенной направленностью на событие. Любое мышление – философское, художественное, какое угодно, – направленное на какой-то акт, человеческий или нечеловеческий. Я думаю, на этом я закончу описание своей собственной позиции. Моя позиция – условного и искусственного синхронизирования с той политической рефлексией, которую я рассматриваю. А рассматриваю ли я политическую рефлексия Антуана Сен-Жюста, или Максимилиана Робеспьера, или джентльменов, страшно неумело дающих политические интервью московскому телеви-

дению, или рефлексию политическую генерала Лебеда – это мне все равно. Я помню об этой синхронизации, я помню, что его рефлексия – не моя, моя рефлексия – не его.

Но я помню и другое. Меняется время. А время в этих лекциях для меня существует только как время мышления о политике. Время, в смысле которого мы рассматриваем политику которое само является производным от состояния данной политической рефлексии. Время вторично, оно не может быть причиной того или иного мышления. Так иногда могу сказать: это было время, когда преобладала та или иная идея. Но гораздо чаще это категорически сказать не могу. Таким образом, исторический аспект пусть не всегда выражен в моем философском подходе, но всегда застолблен, всегда присутствует.

Философ может вводить какой-то один момент и в этом моменте *современиться* с событиями. Вот он выглядывает из окна, там какие-то события, то ли кого-то качают, то ли в кого-то стреляют из пулемета. Он может сказать: «Ах, моя дорогая, какой ужас». Так он уже не философ! Для философа нет никаких «моих дорогих» и нет «ужасов». Он смотрит и думает, и он ловит события в моменте своего мышления. И оно уже в это время больше не событие, а наблюдаемый им момент другой рефлексии, обычно нулевой.

ВОПРОС: Но не существует ли еще и политология помимо политической философии? Кроме рефлексии те, кто интересуется политикой, должны что-то еще изучать?

Простите, пожалуйста, я не имею чести быть политологом, я просто не знаю, что это такое. Я просто думаю (как думал мой покойный друг, гениальный современный филолог России, совсем недавно умерший, Михаил Леонович Гаспаров), что здесь очень многое, слишком многое зависит от языка. Оттого, на каком языке мы захотим высказать ту или иную мысль. Современность отмечена появлением многих наук, которые оказались полностью неспособными себя предметно сформулировать. Будь то сексология или политология, ни та ни другая не смогли сформулировать предмет (а я пытался его обнаружить, прочел три или четыре... предисловия). Потому что формулировка предмета науки **изнутри** этой науки невозможна – она может прийти только извне. Только какая-то другая область человеческого знания и человеческого мышления способна сформулировать предмет любой конкретной науки. В политологии, я считаю, с этим катастрофа. Но ведь я при этом и не думаю называть политологию или сексологию ерундой. Нет, наоборот. Возможно, там содержится что-то безумно интересное, но я пока ничего не нашел.

ВОПРОС: Объект сексологии существует?

Объект существует. Но **предмет** – это совсем другое дело. Предмет – это та система понятий, слов, выражений и мыслей, в которой изучается объект. Хотя последний из шарлатанов, один из политологов Госдепартамента, все-таки написал две книжки-это Фукуяма, гегельянец великий (Гегель был мирный, патологически тихий человек, робкий, но он бы Фукуяму убил), великолепно обошелся без определения предмета своего философствования. А без формулировки предмета вы, например, не сможете преподавать в университете. Будь то квантовая механика, горючие материалы или уголовное право. Это нереально.

Умоляю вас заранее, не считайте, пожалуйста, что все шарлатаны мира – в вашей стране. Они есть везде! Вообще забудьте об исключительности России.

ВОПРОС: Вы сказали, что недумание – это тоже форма думания. Это меня несколько удивило. Вы разделяете наличие некоторых представлений о чем-то и процесс думания, для которого необходимо делать некоторые усилия?

Это не я придумал и не я ввел слово «недумание» как разновидность думания. Впервые это было сформулировано великим буддийским философом VI века нашей эры Асангой. А потом в очень сильно измененной форме переформулировано Гуссерлем в его книге «Идеи», 1911 год. Вы ведь этот самый вопрос задали, **уже имея** в голове слова и понятия «думание» и «недумание». То есть, чтобы задать этот вопрос, вы уже произвели определенную рефлективную процедуру, о которой вы не можете сказать, что ее нет. И в смысле этой рефлективной процедуры мы можем вполне сказать, что есть такое думание как недумание. Думание со знаком минус.

– Что он делал?

– «Не думал», – и это в отношении конкретных политических и жизненных ситуаций может иметь огромное значение.

В заключение я хочу сказать, что основные положения, которые я сегодня пытался объяснить, были сформулированы не одним мной, а вместе с присутствующим здесь моим другом Олегом Борисовичем Алексеевым.

Часть 2

Я уже сказал, что в принципе субъект политической рефлексии неопределенен – здесь господствует полная произвольность, начиная от риторики политиков и кончая политологами и политическими философами. Быстро коснемся все-таки других аспектов субъекта политической рефлексии, к которым я буду все время возвращаться по ходу уже конкретного рассказа о разных вещах. Мы сейчас сказали, что субъект неопределенен, как народ, который хочет дешевого транспорта и доступного здравоохранения. И тут оказывается, что мы встречаемся с другой проблемой, не менее серьезной, чем проблема неопределенности субъекта политической рефлексии, – проблемой фрагментированности этого субъекта. То есть оказывается, что, назвав этого субъекта словами «народ», «страна», «материк» или заявив, что «мы африканцы», «мы азиаты», «мы евразийцы» эта неопределенность редуцируется только *на мгновение*, а потом начинается фрагментированность. И вы знаете, это безумно интересно. Проследите за развитием политической борьбы у славянских народов в XIX веке: так, чехи еще не успели выпустить свою первую культурно-политическую программу младочешского движения, а тут уже словаки заявляют: «А мы не чехи». А богемцы заявляют: «А мы не моравы», и все хором: «Немцы и даже евреи (что уж тут поделаешь) – это еще туда-сюда, но цыгане – нет, они нам не подходят». Вот вам чудеса пробудившегося национального самосознания! То есть достаточно человеку отождествить какой-то коллективный субъект политической рефлексии, как он у него на глазах начинает фрагментироваться. Более того, когда редукция достигает своей конечной точки и сводится к одному индивиду, то и здесь этот один индивид неизбежно фрагментируется. То он – как что-то одно, то он – как другое. Вот возьмите хотя бы политическую риторику и политическую демагогию: «Как гражданин, я с этим согласен, а как член партии лейбористов (коммунистов, державников) – нет». И поэтому интересно брать какие-то точки, в которых политическая идентификация субъекта достигает своего *максимума*. Когда он уже определяется, но еще не подвергся фрагментации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.